

Детективные сюжеты Дашкова берет из жизни своих друзей

окончила Литературный институт, писала стихи, работала литературным консультантом в уважаемом журнале.

— *Наверное, вы еще с детства занимались сочинительством?*

— В детстве чем я только не занималась! Гимнастикой, балетом, рисованием и даже конструированием роботов и пистолетов! Я вечно что-то выдумывала, но это не всегда находило понимание у окружающих. В четвертом классе я чуть не вызвала «международный конфликт», меня даже на время исключали из пионеров: я облила из окна школы грязной водой какого-то дяденьку, к несчастью, оказавшегося сотрудником посольства ГДР. В восьмом классе была «история с физикой» — меня угораздило нарисовать карикатуру на нашего учителя, прямо в тетради рядом с решенной задачей. С тех пор, несмотря на все старания поразить его блестящими познаниями, из двоек я вылезти не могла. Физика мне впоследствии не понравилась, а вот умение рисовать пригодились... на хлебозаводе. В Литинститут после школы тогда принимали только писательских детей. Для того чтобы заработать льготы при поступлении за производственный стаж, я год проработала на хлебозаводе художником-оформителем — рисовала плакаты и стенды соцбязательств. Долго еще там можно было полюбоваться лучшим моим творением «Российскому хлебу — отличное качество!»

— *Насколько я поняла, Полина Дашкова выросла не в писательской семье?*

— Нет. Папа мой был математиком. Он работал в ЦАГИ в Жуковском, а потом заведовал Вычислительным центром

Академии наук. Он был великолепно образован, знал английский и французский, а в сорок с лишним лет по производственной необходимости выучил еще и японский. Жаль, что он не дожил до моего литературного «триумфа».

— *Хорошо, что ваша мама может радоваться успехам дочери...*

— Мама — необыкновенный человек. Очень верующая — уже взрослой она приняла католицизм. Когда-то мама работала телевизионным режиссером на Шаболовке, но потом ушла с телевидения, чтобы стать педагогом в интернате для детей-сирот с отставанием в развитии.

— *Вы выросли в благополучной интеллигентной семье и явно не пережили и десятой доли тех приключений, которые по вашей воле выпадают на долю ваших героинь. Откуда же вы берете все эти закрученные истории?*

— Мои фантазии очень часто переплетаются с реальностью, и нередко какой-нибудь телевизионный сюжет лишней раз подтверждает жизненность моих писательских построений. Поводом для первого моего романа «Кровь нерожденных» послужила реальная история, включившаяся с моей знакомой. Эта молодая женщина ждала ребенка и однажды пришла в женскую консультацию на УЗИ. Представьте себе, что она почувствовала, когда врач объявил, что ее ребенок мертв и ей нужно срочно ехать в больницу на операцию, чтобы не погибнуть самой. Никого из ее семьи в тот момент не было в городе, и эта несчастная в панике позвонила мне. «Мой ребенок жив!» — рыдала она. — Я чувствую, как он

шевелится! Что же делать?!» Я посоветовала ей бежать отсюда куда глаза глядят и срочно сделать повторное УЗИ. Она так и поступила и конечно же убедилась в том, что у нее все в порядке. Впоследствии у нее родилась чудная здоровая девочка. Меня задела эта странная история — я понимала, что тот врач не мог просто так «ошибиться». Вскоре я увидела по телевизору передачу о том, что на некоей фирме производились препараты из плацентарного материала и так называемой «биомассы плода». Я расспросила знакомых медиков и узнала массу историй, напоминавших ту, что чуть не стряслась с моей знакомой. Оставалось только превратить все эти факты и предположения в увлекательный детектив.

— *Все остальное — «Продажные твари», «Легкие шаги безумия» — тоже «из жизни»?*

— В чем-то — да. Когда я училась в Литинституте, у одной из моих сокурсниц загадочным образом погиб брат — точно так, как в «Легких шагах безумия». Он якобы повесился, но у меня было подозрение, что ему кто-то «помог». К тому времени я уже прочитала немало учебников по криминалистике и могла сделать кое-какие выводы.

— *Криминалистикой и судебной медициной вы, судя по вашим домашним книж-*

ным полкам, увлекаетесь давно и всерьез!

— Можно сказать, что, работая в жанре детектива, я «незаметно» получила еще два образования — юридическое и медицинское со специализацией в психиатрии. Мне всегда было интересно разбираться, что происходит с человеком, когда он «переступает грань». Работая когда-то в журнале «Сельская молодежь», я читала много писем от зеков — стихов, рассказов. Тогда они были самым пишущим контингентом. Я сама даже выступала один раз в зоне.

— *И вам не было страшно?*

— От действительно опасных историй Бог меня миловал. Вообще я много ездила от Литинститута. Тогда было принято посылать студенческие группы выступать перед «рабочими и колхозниками». В одной из таких поездок в Тюмень мы и познакомились с Алексеем.

— *Вы учились в одном вузе?*

— Да, я писала стихи, а он — нежнейшую лирическую прозу. В то лето после сессии я должна была поехать в Сибирь. В нашей группе не хватало одного человека. Мы с ребятами сели на лавочку перед институтом и загадали, что предложим поехать с нами первому же встречному. Этим встречным и оказался Алексей. Тогда он был вылитый царевич Елисей — с длинными белокурыми ло-

С дочерьми Аней и Дашей